

Профессоръ А. П. Лебедевъ.

(Продолженіе).

Необходимую параллелью, дополняющую отмѣченные сей-часъ: „Вселенскіе соборы IV и V вв. (обзоръ ихъ дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской)“, „Исторія четырехъ послѣднихъ соборовъ“ и „Эпоха гоненій“, является самый послѣдній серьезный трудъ проф. Лебедева, изданный въ 1905 году подъ заглавіемъ: „Духовенство древне-вселенской церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка (историческіе очерки—494 стр.)“¹⁾. Составленіе такого труда, по—видимому, не входило первоначально въ намѣренія самого покойнаго ученаго. По крайней мѣрѣ, въ планѣ полнаго изданія его сочиненій, преднамѣченнаго имъ въ 1898 году при печати перваго тома, такой книги не значилось, и только изъ общаго заголовка, приложеннаго къ новому изслѣдованію, читатель узнаетъ, что оно должно представить собой тотъ десятый томъ, который ранѣе предназначался „для небольшихъ церковно-историческихъ сочиненій научнаго содержанія“, такъ и не появившихся въ печати. И онъ не возникъ, какъ *deus ex machina*: онъ представляетъ собой плодъ долговременныхъ занятій и усидчиваго труда, и только нужно удивляться, почему такъ долго авторъ скрывалъ въ своей головѣ тѣ сокровища церковно-историческаго познанія, о которыхъ свидѣтельствуетъ каждая глава названнаго изслѣдованія.

---

¹⁾ Къ сочиненію приложены два этюда: „Вселенскіе миссіонеры II-го вѣка и ихъ преемники (стр. 455—465)“ и „Пронсхождение актовъ вселенскихъ соборовъ (465—494)“.

Самое заглавіе сочиненія: „Вселенское духовенство“ слишкомъ обще и неопредѣленно, чтобы дать читателю или покупателю ясное понятіе о богатствѣ его содержанія. Правда, главнымъ предметомъ, около котораго вращается изслѣдованіе, является именно вселенское духовенство,—его умственное, нравственное и матеріальное состояніе во всѣхъ тѣхъ перепитіяхъ, какія эти стороны жизни пережили въ теченіи IX вѣковъ. Но здѣсь же мы видимъ и полное изображеніе исторіи іерархіи отъ временъ апостольскихъ до окончательнаго образованія епископата во всей полнотѣ присутствующихъ ему и донинѣ правъ, и достаточно объемистый очеркъ по исторіи духовнаго просвѣщенія вообще. Книга о вселенскомъ духовенствѣ древней церкви стремится, такимъ образомъ, охватить во всей широтѣ всю ту совокупность фактовъ, которая обнимаетъ собой такъ наз. внутреннюю жизнь церкви ¹⁾, и достигаетъ этой цѣли въ совершенствѣ. Первый отдѣлъ (1—104 стр.) знакомитъ читателя съ организаціей духовныхъ должностей въ первенствующей церкви: здѣсь рѣчь идетъ о харизматическихъ учителяхъ I и II вѣковъ—апостолахъ, пророкахъ и учителяхъ, о взаимоотношеніи епископа и діакона въ древней церкви, о положеніи тогдашнихъ пресвитеровъ, о происхожденіи и судьбѣ низшихъ должностей: чтецовъ, иподіаконовъ, аколуюевъ, экзорцистовъ и остіаріевъ. Но это не простой перечень должностей, но исторія ихъ: каждая должность разсматривается въ своей первоначальной простотѣ, прослѣживается постепенное ея развитіе и указываются причины тѣхъ или иныхъ перемѣнъ, какія постигаютъ ихъ уже къ началу III-го вѣка. Отдѣлъ опирается на новыя открытія въ области древней церковной исторіи и въ особенности въ сферѣ церковнаго управленія, которыми было такъ богато послѣднее время. Эти открытія не только внесли существенную перемѣну въ прежніе взгляды на происхожденіе церковной іерархіи, но совсѣмъ устранили ихъ и на ихъ мѣсто поставили совершенно новыя явленія, показывающія, что исторія церковной іерархіи далеко не такъ проста, какъ обычно представляли ее ранѣе, что напротивъ, еще въ древнѣйшую пору своего существованія она въ своемъ развитіи потерпѣла значитель-

¹⁾ Разумѣется, исключая богослуженіе.

ныя измѣненія. Харизматическіе учителя, стоявшіе на верху церковной жизни и руководившіе ею по крайней мѣрѣ до половины второго вѣка, особое положеніе діакона и чтеца въ древности и роль пресвитеріата ¹⁾, — все это раскрыто здѣсь съ должной выпускостью и подтверждено научными данными. Специалистъ, внимательно слѣдящій за развитіемъ западно-европейской науки, конечно, здѣсь найдетъ мало новаго для себя, но онъ долженъ помнить, что на русскомъ языкѣ у насъ пока ни слова не сказано объ этой новой комбинаціи древней исторіи церкви въ отношеніи къ ея управленію и что здѣсь впервые отдѣльно изученные факты и документы связаны въ одну стройную и цѣльную картину.—Второй отдѣлъ (105—244) трактуетъ о *властяхъ* церковныхъ. Онъ открывается изображеніемъ тѣхъ идеальныхъ отношеній, какія первоначально царили въ церкви между пастыремъ и паствою, когда участіе мірянъ было обычнымъ явленіемъ, защищаемымъ и практикуемымъ лучшими пастырями, когда любовь и равенство царили въ епископіи и всякому честолюбію и властолюбію со стороны церковной власти не было мѣста. Изображая, далѣе, постепенное возвышеніе епископата внутри его собственной епископіи, авторъ указываетъ всѣ мѣропріятія ²⁾, при помощи которыхъ епископы вырыли ту пропасть, какая и теперь отдѣляетъ ихъ отъ мірянъ, пока епископаты, постепенно сорганизовавшійся въ митрополіи и патріархіи не усвоили себѣ всю полноту церковныхъ правъ и изъ пастырей древней церкви сдѣлался іерархіей въ собственномъ смыслѣ т. е. священноначаліемъ церкви. Исторія митрополитства и патріаршества изложена на основаніи новыхъ изслѣдованій и принято во вниманіе вліяніе политическаго строя римской имперіи на выработку системы церковнаго управленія. Особенно любопытны данныя, приведенныя въ главѣ объ историческомъ развитіи римскаго приматства, изъ которыхъ видно, что сама греческая церковь не мало содѣйствовала утвержденію римскаго епископа въ той мысли, что онъ дѣйствительно есть высшій другихъ епископъ.—Отдѣлъ третій охватываетъ бытовую

1) Отдѣлъ этотъ (т. е. о пресвитеріатѣ) по преимуществу открытъ возраженіямъ.

2) Здѣсь заслуживаютъ вниманія страницы (135 слѣд.), обозрѣвающія исторію вопроса о брачій и безбрачій духовенства въ древней церкви.

сторону жизни древне-вселенскаго духовенства, его умственное, нравственное и матеріальное состояніе. Люди, знакомящіеся съ положеніемъ духовнаго просвѣщенія въ древней церкви по учебникамъ, отмѣчающимъ лишь выдающіеся случаи древне-церковнаго просвѣщенія, или по ученымъ диссертациямъ, посвященнымъ изученію наиболѣе крупныхъ дѣятелей и богослововъ древности, легко могутъ впасть въ иллюзію, что духовное просвѣщеніе дѣйствительно стояло тогда на высокой степени развитія и отличалось общедоступностью и общераспространенностью. Факты, приведенные въ разсматриваемомъ изслѣдованіи А. П. Лебедева, ведутъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Они показываютъ, что древняя церковь не только не поощряла заведенія общеобразовательныхъ школъ для изученія богословія и христіанской религіи, но и смотрѣла на нихъ съ явнымъ нерасположеніемъ. Она боялась, чтобы такимъ путемъ не повредить чистотѣ Евангелія и не внести въ свою сферу мірской элементъ и въ этой боязни оправдывалась наличной дѣйствительностью. Первыми основателями богословскихъ школъ оказались еретики—Маркіонъ и артемониты, дѣйствовавшіе въ Римѣ, и такъ какъ единственною ихъ цѣлю служила защита своего ученія и борьба противъ признаваемой церковью вѣры, то и предстоятели церкви стали относиться подозрительно не только къ этимъ чисто еретическимъ школамъ, но и ко всякимъ затѣямъ подобнаго рода. Можно думать, что нѣкоторое время въ церковныхъ кружкахъ терминъ: „школа“ служилъ даже ругательнымъ терминомъ, употребляемымъ лишь съ цѣлю опозорить противника. Такъ, извѣстный антипапа Ипполитъ обвиняетъ своего противника римскаго епископа Каллиста въ томъ, что онъ отдѣлился отъ церкви и основалъ свое училище (*διδασκαλεῖον*), очевидно, полагая, что завести школу значило ничто иное, какъ отторгнуться отъ церкви. Тѣмъ не менѣе богословскія школы существовали въ древней церкви,—и авторъ съ особой внимательностью и подробностью останавливается на исторіи извѣстныхъ александрійской и антиохійской школъ, постановкѣ въ нихъ обученія, главныхъ дѣятеляхъ и лицахъ, получившихъ тамъ образованіе,—но общее положеніе дѣла отъ этого не измѣнялось. Инициаторами ихъ были не духовные лица и не церковь вообще, а частные мірскіе люди, ви-

дѣвшіе въ служеніи наукъ задачу своей жизни. Извѣстно, что Климентъ и Оригенъ всю свою жизнь провели въ борьбѣ со взглядами, неблагопріятствовавшими развитію училищнаго дѣла, и въ защитѣ пользы и необходимости изученія христіанами языческихъ наукъ и въ особенности философіи, а Лукіанъ, основатель антioxійской школы, этотъ „признанный святой, и не признанный учитель,“ нѣкоторое время стоялъ внѣ общенія со своей мѣстной церковью. Въ IV и половинѣ V вѣка та и другая школа воспитала въ себѣ рядъ блестящихъ дѣятелей, но эти дѣятели были лишь случайными метеорами на общемъ тускломъ небосклонѣ древняго духовнаго просвѣщенія. Правда лучшіе люди IV и V столѣтій, какъ Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ предъявляли самыя высокія требованія къ образованности высшихъ пастырей и горячо опровергали всѣ бывшія въ ихъ время въ ходу возраженія противъ необходимости научнаго образованія для пастыря, но большинство тогдашнихъ епископовъ въ странномъ самообольщеніи ничего не хотѣли и слышать о какихъ-либо требованіяхъ касательно умственнаго развитія, коль скоро имъ сообщена благодатная сила, которая по ихъ разумѣнію должна замѣнять естественную развитость ума и, конечно... не замѣняла. Древне-восточная церковь, какъ и греко-византійская вообще не принимала на себя заботы объ устройствѣ христіанскихъ школъ, и дѣйствительно не имѣла такихъ заведеній, какія специально служили бы къ образованію будущихъ пастырей церкви. Она не была притязательна по части образованности лицъ, поставленныхъ даже въ высшіе духовные чины и ограничивалась очень немногимъ. Такъ, второе правило седьмого вселенскаго собора предписываетъ: „кто посвящается во епископы, тотъ долженъ въ совершенствѣ (т. е. наизусть) знать псалтирь, чтобы онъ могъ поучать подчиненныхъ ему клириковъ (?); также должно испытать его, умѣетъ-ли онъ съ разсужденіемъ, а не бѣгло лишь *читать* св. правила, Евангеліе, Апостолъ и все св. Писаніе и учить порученный ему народъ, при чемъ подъ ученіемъ разумѣлось простое изъясненіе христіанскихъ истинъ по образцу св. отцовъ. Гражданское законодательство въ вопросѣ о богословскомъ образованіи пастырей также не идетъ дальше церковнаго. Юстиніанъ требовалъ отъ избираемаго въ епископы изустно из-

ложить главныя истины вѣры, умѣть произнести наизусть слова, читаемыя при совершеніи крещенія, евхаристіи и другихъ таинствъ и знакомства съ церковными правилами,— конечно не научнаго законовѣдвія, а лишь въ смыслѣ знанія необходимыхъ практическихъ церковныхъ постановленій. Хотя, такимъ образомъ, требованія къ поставляемому въ епископы не превышали простой грамотности и начетливости, однако уже въ первой половинѣ V-го вѣка историкъ встрѣчается съ поразительными фактами невѣжества въ духовномъ сословіи. Такъ, на 3-мъ вселенскомъ соборѣ обнаружилось, что двое пастырей—священникъ и хорепископъ не умѣли писать, не могли даже въ собственномъ прошеніи начертить буквъ своего имени и званія, а на соборѣ въ Ефесѣ 449 г. такими невѣждами оказались даже двое епископовъ. Историкъ Феодоръ чтець свидѣтельствуетъ, что константинопольскій патріархъ Геннадій, жившій около половины V вѣка, „никого не рукополагалъ, кто не знаетъ псалтыри“,—слѣдовательно, уже въ это время священника считали достаточно образованнымъ, если онъ едва-едва отличался отъ человѣка совсѣмъ безграмотнаго. Таково было образованіе духовенства древней церкви, взятаго въ общей массѣ, по изслѣдованію А. П. Лебедева.—Въ характеристикѣ нравственнаго состоянія древней церкви (321—390) авторъ выходитъ изъ принципиальной точки зрѣнія, устанавливаемой на основаніи древнихъ каноническихъ документовъ (апостольскія постановленія) и сочиненій выдающихся епископовъ древней церкви (напр. I. Златоуста) и, обрисовавъ идеаль пастыря, осуществленія котораго желали видѣть въ духовенствѣ лучшіе его представители, примѣняетъ его къ оцѣнкѣ тѣхъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ изучаемому вопросу, какія предлагаетъ въ распоряженіе историка древняя церковная литература. Первые два вѣка христіанства, какъ этого и слѣдовало ожидать, особенно были богаты образцами высоконравственнаго поведенія и пастырской ревности по вѣрѣ, доходившей до героизма, но уже съ середины III-го вѣка начинаютъ раздаваться порицанія въ корыстолюбіи по адресу епископовъ, которые, оставляя свои кафедры, скитаются по чужимъ областямъ, не пропуская торговаго дня ради корыстной прибыли, и завладѣваютъ братскими доходами, отдавая ихъ займы, чтобы вос-

пользоваться процентами. Обличеніе епископовъ въ корыстолюбіи, въ погонѣ за наживой, въ любви къ пресыщенію и пиршествамъ являются обычными уже въ эту раннюю эпоху христіанской исторіи. Образецъ крайней испорченности духовенства авторъ указываетъ въ лицѣ извѣстнаго Павла самосатскаго, епископа антиохійскаго и по поводу его ведетъ длинную рѣчь о такъ наз. синисактахъ, (сожительство дѣвственниковъ и дѣвственницъ—стр. 329—345) ¹⁾. IV вѣкъ знаменитъ въ особенности въ области идеальнаго творчества; онъ создалъ два образца пастырскаго служенія,—возвышенный и всесторонній для Востока въ твореніяхъ Іоанна Златоуста и нравственно-практическій въ трудѣ Амвросія Медиоланскаго: „De officiis ministrorum“. Но если,—замѣчаетъ авторъ,—нѣкоторые пастыри, быть можетъ, дѣйствительно осуществили идеаль пастыря, „а другіе стремились къ его осуществленію, то жизнь большинства духовнаго сословія была далека отъ идеала начертаннаго церковью“, и этотъ тезисъ блестяще подтверждается многочисленными обличеніями во всевозможныхъ преступленіяхъ, направленными противъ епископовъ въ сочиненіяхъ Григорія Богослова (для Востока) и Іеронима (для Запада). Презрѣніе къ низшимъ, пресмыкательство предъ высшими, роскошная жизнь, повара, коляски и блестящія одежды, въ которыхъ епископы соперничали съ консулами и знатными военачальниками, алчность къ пріобрѣтенію денегъ, обфды, на которыхъ по словамъ Іеронима, „начальникъ провинціи у бѣднаго служителя Христова могъ покушать лучше, чѣмъ во дворцѣ“—даже удовольствія Венеры,—вотъ черты, какими описывается жизнь высшаго духовенства уже въ памятникахъ IV вѣка. Чѣмъ дальше шло время и ниже падалъ уровень христіанской нравственности, тѣмъ свободнѣе и несдержаннѣе становилось поведеніе епископовъ, и факты, приведенные А. П. Лебедевымъ изъ актовъ константинопольскаго собора 403-го г. (соборъ подъ Дубомъ, составившійся противъ Іоанна Златоуста), слѣдствіе о Діоскорѣ и Ивѣ, ми-

¹⁾ Съ этимъ крайне интереснымъ явленіемъ изъ области нравственной жизни древняго христіанства порусски и можно только ознакомиться по этому изслѣдованію А. П. Лебедева На нѣмецкомъ языкѣ имѣется довольно полная брошюра по тому же вопросу Achelis'a, *Virgines subintroductrae. Ein Beitrag zu VII Kapitel der 1 Korintherbrief*, Leipzig. 1902

трополитъ Едесскомъ, помѣщенное въ актахъ халкидонскаго собора, и свидѣтельства Исидора Пелусіота о современныхъ ему высшихъ и низшихъ клирикахъ рисуютъ такую картину моральнаго упадка въ духовномъ сословіи, которая можетъ вызвать только нравственное омерзѣніе. На естественно возникающій вопросъ о причинахъ столь глубокаго упадка нравовъ среди сословія, на которомъ прежде всего лежала обязанность исполнять евангельскія заповѣди, авторъ отвѣчаетъ прежде всего указаніемъ на то, что съ теченіемъ времени духовное званіе сдѣлалось выгодной профессіей, а не служеніемъ по глубокому нравственному убѣжденію, и потому понятно, что смотрѣвшій на свое званіе, какъ на выгодное занятіе, необходимо думалъ лишь о томъ, какъ бы побольше извлечь изъ него матеріальной пользы. Другая причина лежала въ недостаточно внимательномъ выборѣ лицъ, принимаемыхъ въ духовное сословіе. Съ IV вѣка, когда число христіанскихъ общинъ стало быстро размножаться, не для всякой общины или прихода можно было найти хорошаго священника. Спросъ на служителей церкви превосходилъ предложеніе, и потому въ духовное званіе, по словамъ уже Епифанія (IV в.) принимали всякій сбродъ. Но ничто, быть можетъ такъ не повліяло на упадокъ нравовъ духовенства, какъ испорченное византійское общество и въ частности византійская придворная атмосфера. Духовенство носило на себѣ слѣды растлѣнія того общества, изъ котораго оно выходило, и того государства, интересамъ котораго оно служило.—Въ общихъ чертахъ исторія матеріальнаго быта древне-вселенскаго духовенства обрисовывается въ анализируемомъ изслѣдованіи А. П. Лебедева слѣдующимъ образомъ. Въ вѣкъ апостольскій, когда къ новой религіи въ большинствѣ случаевъ обращались бѣдняки, пастыри церкви не могли разсчитывать на матеріальную поддержку со стороны общины и жили трудами рукъ своихъ, питаясь отъ тѣхъ профессій, какія они имѣли до избранія въ іерархическую должность и какихъ они не оставляли во священствѣ; возможно также, что они избирались преимущественно изъ зажиточныхъ классовъ, такъ какъ самая должность ихъ требовала извѣстной степени образованности, которую естественно было встрѣчать въ болѣе состоятельномъ классѣ, чѣмъ въ простонародьи. Въ II и III вѣкахъ это первоначаль-

ное положеніе пастырей апостольскаго вѣка значительно измѣняется: пастыри, сначала заботившіеся сами о своемъ пропитаніи, стали жить на счетъ своей паствы. Причину этой перемѣны авторъ справедливо указываетъ въ вліяніи на внутренній строй христіанскихъ общинъ древне-римскихъ корпорацій и, въ частности погребальныхъ коллегій, всѣ члены которыхъ безъ различія общественнаго класса и пола сходились на общія собранія для богослуженія и пиршествъ, приносили съѣстные припасы и имѣли денежную кружку (агса), составлявшуюся изъ общихъ взносовъ и назначаемую главнымъ образомъ для поддержки бѣдныхъ, а иногда и для вознагражденія должностныхъ лицъ общины. Рядъ документовъ и свидѣтельствъ церковной древности, обслѣдованныхъ у А. П. Лебедева, даетъ видѣть, что и христіанскіе общины усвоили этотъ строй древне-римскихъ коллегій, имѣли свою агса, пополнявшуюся изъ ежемѣсячныхъ взносовъ, и для агапъ и таинства евхаристіи приносили съѣстные припасы. Какъ и въ римскихъ коллегіяхъ, остатки отъ съѣстныхъ припасовъ, а равно и деньги, собранныя въ кружку, тратились прежде всего на помощь бѣднымъ,—вдовамъ, сиротамъ и всякаго рода нуждающимся, а также и на помощь духовенству, при чемъ лица духовнаго сословія заканчивали собой списки бѣдности и такимъ образомъ являлись *нищими изъ нищихъ*. Причину этого страннаго на первый взглядъ явленія А. П. Лебедевъ указываетъ въ той устанавливаемой имъ общей точкѣ зрѣнія, что духовенство древней церкви унаслѣдовало собой положеніе харизматическихъ учителей апостольскаго вѣка, которые, какъ странствующие миссіонеры, не имѣли никакой возможности добывать себѣ средства своимъ трудомъ и пользовались содержаніемъ отъ тѣхъ общинъ, въ какихъ они дѣйствовали. Но это идеальное соотношеніе дѣла существовало не долго. Уже съ III-го вѣка въ выраженія церковныхъ писателей и каноническихъ памятниковъ начинаетъ протѣсняться ветхозавѣтный идеалъ священства, вслѣдствіе котораго духовенство и клиръ становятся на первый планъ въ ряду членовъ, о содержаніи которыхъ должна преимущественно заботиться община. IV-й вѣкъ, открывающійся провозглашеніемъ христіанства государственной религіей, вноситъ радикальную перемѣну въ матеріальное положеніе церкви. Христіанская церковь те-

перь обогащается значительными недвижимыми имуществами. Съ одной стороны императоры, преслѣдуя языческій культъ, закрывали храмы и всѣ имѣнія, принадлежащія этимъ храмамъ и ихъ жрецамъ, обращали въ собственность христіанскихъ церквей; съ другой стороны, и болѣе состоятельные члены христіанскаго общества стали заявлять о себѣ крупными пожертвованіями въ пользу церкви. Еще въ языческомъ обществѣ Рима существовалъ обычай, что владѣвшіе значительнымъ имуществомъ люди, умирая, всегда оставляли часть своего имущества друзьямъ, высокопоставленнымъ лицамъ и преимущественно царствующему императору, при чемъ долгое время въ Римѣ считалось почти преступленіемъ обойти въ духовномъ завѣщаніи личность императора. Съ IV вѣка этотъ старый обычай переродился въ новый порядокъ завѣщать имѣнія прямо Господу Іисусу Христу,—занявшему, очевидно, мѣсто императора, ангеламъ и мученикамъ,—подобно тому, какъ римскіе язычники отдѣляли часть наслѣдства лицамъ, пользующимся высокимъ положеніемъ въ обществѣ и въ государствѣ, и своимъ друзьямъ. Всѣ подобныя имущества отходили въ распоряженіе церкви, и сами пастыри ея, особенно на западѣ, всѣми мѣрами поощряли новый порядокъ. Обогащеніе церквей прямымъ своимъ послѣдствіемъ имѣло и обогащеніе предстоятелей ея, и намѣтившаяся еще съ III-го в. тенденція—ставить должностныхъ лицъ церкви въ первый разрядъ нуждающихся—привела къ тому, что доля духовенства, получаемая изъ церковныхъ средствъ, постепенно стала возрастать на счетъ долей, назначенныхъ для бѣдныхъ и благотворительности, пока наконецъ изъ церковныхъ доходовъ ничего не стали удѣлять на долю бѣдныхъ. Само собой понятно, что это обогащеніе церквей и ихъ предстоятелей было удѣломъ сравнительно немногихъ христіанскихъ общинъ, обитавшихъ главнымъ образомъ въ богатыхъ и населенныхъ городахъ имперіи. Если напр. римскій префектъ Претекстатъ, получавшій отъ однихъ своихъ помѣстій миллионъ ренты, кромѣ доходовъ отъ должностей, на предложеніе папы Дамаса сдѣлаться христіаниномъ отвѣтилъ: „сдѣлайте меня епископомъ,—и я тотчасъ же сдѣлаюсь христіаниномъ“, намекая на огромныя богатства этой церкви, то исторія знаетъ нѣсколькихъ пастырей IV и V вѣка, хотя и

немногихъ, которые, подобно пастырямъ апостольскаго вѣка, должны были пропитывать себя трудами своихъ рукъ. Другимъ источникомъ доходовъ,—по даннымъ, собраннымъ у А. П. Лебедева,—служила плата, взимаемая за требы. Это источникъ новый, о которомъ не только не знала христіанская древность, но и прямо протестовала противъ него (стр. 412. 413), и тѣмъ не менѣе, не смотря на запрещеніе соборовъ и церковныхъ авторитетовъ, онъ скоро вошелъ въ общее употребленіе. Любопытно то, что изъ этого новаго источника болѣе въ свой карманъ почерпали епископы, чѣмъ пресвитеры, довольствовавшіеся, какъ и теперь, ничтожной платой за обычныя требы, и, какъ это ни странно, таинствомъ, съ котораго взималась наибольшая плата, было хиротонія. До какой степени доходило иногда обирательство за хиротоніи, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ горькая жалоба, съ какой обратился Евсевій, митрополитъ анкирскій, къ отцамъ халкидонскаго собора противъ взяточничества константинопольскихъ патріарховъ: „прошу, — умоляяъ онъ отцовъ,—чтобы города не платили за хиротонію, потому что, если избранные городомъ поставляются въ Константинополь, то *гибнутъ животы*“... Но и хиротонія простыхъ клириковъ (священниковъ, діаконовъ и пр.), при ихъ сравнительно незначительномъ содержаніи, едва ли обходилась дешево. По крайней мѣрѣ одна новелла Юстиніана въ стремленіи ограничить злоупотребленія, наблюдавшіяся въ этой области, постановляетъ, чтобы за посвященіе клириковъ епископы не брали больше того дохода, какой получить въ годъ новопоставляемый. Нѣкоторый статистическій расчетъ о матеріальномъ состояніи высшаго духовенства за эпоху Юстиніана даетъ возможность сдѣлать другая новелла названнаго императора, регулирующая суммы расходовъ, какія должны были дѣлать епископы при своемъ посвященіи. Такъ патріархи константинопольскій, александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій при хиротоніи должны были уплачивать совершителямъ ея и нотаріямъ по 400 золотыхъ монетъ (около 8,200 франковъ); допуская, что патріархи при этомъ должны были тратить одну четверть своего годоваго дохода, мы получимъ, что они должны были имѣть въ своемъ распоряженіи около 30 тысячъ франковъ въ годъ:—въ той же новеллѣ упоминаются платящіе за хиротонію

300 золотыхъ (болѣе 12 тыс. франковъ), какъ заурядные епископы, однако есть и такіе, доходы которыхъ не превышали сотенъ рублей и которые освобождались отъ несенія всякой платы при хиротоніи. Богатство и бѣдность, значить, и тогда неравномѣрно были распредѣлены даже въ высшемъ духовенствѣ, хотя по всѣмъ видимостямъ преобладало первое.

О первомъ отдѣлѣ разсматриваемаго труда А. П. Лебедева мы уже говорили, что для каждаго пункта его можно подыскать тѣ или другія аналогіи въ западной церковно-исторической литературѣ; тоже можно сказать отчасти и о второмъ отдѣлѣ, за исключеніемъ лишь отмѣченнаго тезиса о содѣйствіи самой греческой церкви возвышенію папскаго авторитета и приведенныхъ въ пользу его доказательствъ. Напротивъ третій отдѣлъ изслѣдованія, и самый важный и полный,—обнимающій собой умственную, нравственную и матеріальную сторону жизни древняго духовенства, является вполне самостоятельной работой и проникнуть оригинальностью. Онъ вводитъ насъ въ внутреннюю, интимную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую жизненную струю древне-вселенскаго духовенства и раскрываетъ ее со всею неприглядною откровенностью. Оно тѣмъ болѣе цѣнно для церковно-исторической науки, что существующая даже на западѣ ученая литература по вопросу о религіозно-нравственномъ развитіи древняго христіанства слишкомъ бѣдна и вращается пока только въ области специальныхъ вопросовъ. И дѣйствительно, если просмотрѣть даже такія солидныя руководства для изученія церковной исторіи, какъ Меллера или Гергенрэттера (вышедшаго уже 4-мъ изданіемъ) или, наконецъ, Dushesne (его Исторія древней церкви, т. 1-й, 3 изд.), то можно убѣдиться, какимъ шаблоннымъ и общеизвѣстнымъ содержаніемъ наполнены здѣсь рубрики, относящіяся къ религіозно-нравственному состоянію древняго христіанскаго общества, при чемъ матеріальная сторона быта древняго духовенства или совсѣмъ ускользаетъ изъ вниманія или затрогивается въ двухъ-трехъ фразахъ ¹⁾. Только въ рецензируе-

1) Приятнымъ исключеніемъ въ этой области является „Uhlhorn съ его „Die christliche Liebestätigkeit in der alten Kirche (2 Aufl. Stuttgart, 1882). гдѣ матеріальной стороной быта древняго духовенства отдало большое вниманіе.

момъ изслѣдованіи А. П. Лебедевъ, какъ показываетъ уже изложенный краткій остоуъ содержанія его, желающій ознакомиться съ кругомъ вопросовъ объ умственномъ и нравственномъ и матеріальномъ состояніи духовенства можетъ найти полный и научно-обработанный матеріалъ, составляющій плодъ его долговременныхъ занятій и хорошаго знакомства съ источниками. Особое вниманіе оно должно вызывать у нашего духовенства, которое только по этому труду можетъ легко ознакомиться со своими давнишними предками, и авторъ какъ бы именно ему посвящаетъ свое изслѣдованіе, заканчивая его такими словами: „мы съ увѣренностью можемъ сказать, что наше русское духовенство какъ высшее такъ и подчиненное ему стоитъ на много выше во всѣхъ отношеніяхъ прежняго духовенства. Церковно-историческая жизнь сдѣлала чрезвычайно большой шагъ. Есть люди, которые набрасываютъ тѣни на жизнь, на поведеніе и научную компетентность русскаго духовенства, но это напраслина. Наше духовенство во всѣхъ отношеніяхъ идетъ впередъ (стр. 454) ¹⁾.

1) Однимъ изъ специальныхъ вопросовъ, относящихся къ эпохѣ вселенскихъ соборовъ, которымъ съ особенной любовью занимался А. П. Лебедевъ былъ вопросъ о подлинности и догматическомъ достоинствѣ Константинопольскаго символа, принятаго въ общецерковную практику. Эта задача предносилась ему еще предъ составленіемъ своей докторской диссертациі, которую онъ и хотѣлъ посвятить именно исторіи двухъ символовъ, но по скудости матеріала долженъ былъ оставить ее; тѣмъ не менѣе одной изъ главныхъ цѣлей своей диссертациі онъ поставилъ: „отмѣтить историческіе моменты дающіе понимать, какъ символъ Константинопольскій достигъ вселенскаго значенія и такимъ образомъ оправдать практику теперешней восточной церкви (см. его рѣчь предъ защитой диссертациі, въ первый разъ появившаяся въ печати только во второмъ изданіи ея—стр. XIV. Сергіевъ пос., 1896), и дѣйствительно здѣсь исторія Константинопольскаго символа воспроизведена имъ въ подробностяхъ отъ начала его составленія на Константинопольскомъ соборѣ 381 года до окончательнаго признанія на Халкидонскомъ соборѣ Константинопольскій символъ сталъ, такимъ образомъ, излюбленнымъ предметомъ вниманія А. П. Лебедева съ первыхъ годовъ его ученой дѣятельности. Онъ тщательно слѣдилъ за всѣми попытками отвергнуть подлинность этого символа, нарождавшимися въ западно-европейской литературѣ и давалъ имъ свою отвѣдь (см. „О символѣ Константинопольскомъ или нашей православной церкви“—разборъ Хорто-Гарнаковской теоріи происхожденія символа,—Ч. О. Л. Д. П. 1889, II, 62,—и „Новый взглядъ на происхожденіе Символа Константинопольскаго“.—

3) Византія въ предѣлахъ съ 9 до 15 вѣка была однимъ изъ любимыхъ предметовъ въ занятіяхъ покойнаго профессора. Онъ внимательно слѣдилъ за всякой ученой новинкой, появляющейся въ этой области, горячо привѣтствовалъ каждое благое начинаніе, намѣчавшееся въ русской литературѣ ¹⁾ и самъ посвятилъ ей цѣлыхъ три тома (5, 6 и 7-й полнаго собранія сочиненій).—Первый томъ, заключающій въ себѣ исторію раздѣленія церкви ²⁾ въ главномъ содержаніи своемъ занимается изложеніемъ борьбы фотіанской и игнатіанской партій, названныхъ такъ по имени главныхъ своихъ вождей—константинопольскихъ патріарховъ Фотія и Игнатія—этой знамени-

Вѣра и Церковь, 1889). Но пока вопросъ вращался въ области однихъ и тѣхъ же историческихъ фактовъ, все дѣло сводилось къ той или другой группировкѣ этихъ фактовъ и окончательнаго рѣшенія не давало. Фокусъ спора заключался въ слѣдующемъ: въ прибавленіи къ Анкорату Епифанія, появившемуся ранѣе Константинопольскаго собора 381 г. на восемь лѣтъ, находится символъ, содержащій въ себѣ веѣ прибавки, какія отличаютъ константинопольскій символъ отъ никейскаго, и слѣд. какимъ-то образомъ съ именемъ Константинопольскаго собора связанъ символъ, ранѣе его появившійся и непринадлежащій ему. Отсюда понятно, что для того, чтобы окончательно утвердить подлинность Константинопольскаго символа и его принадлежность собору 381 года, нужно было устранить самый фактъ существованія въ Анкоратѣ аналогичнаго ему символа, и это удалось сдѣлать единственно А. П. Лебеву. Въ своей статьѣ „О нашемъ символѣ вѣры“, (Бог. Вѣстн. 1902, Янв. и Февр.) онъ съ *безусловной очевидностью* доказалъ, что этотъ такъ называемый епифаніевскій символъ есть ничто иное, какъ позднѣйшая вставка (Подробности см. также наше изслѣдованіе: „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“, т. 1, стр. 588—604). То, что сдѣлано А. П. Лебевымъ въ разъясненіи спорнаго вопроса о происхожденіи Константинопольскаго символа, по истинѣ, нужно назвать *научнымъ открытіемъ*. Къ сожалѣнію, оно ни единымъ словомъ не было привѣтствовано русской богословской наукой. Появивъ оно на Западѣ изъ-подъ пера какого-нибудь и менѣе авторитетнаго ученаго, чѣмъ А. П. Лебевъ, оно вызвало бы цѣлую бурю споровъ, которыми тотчасъ же и воспользовались бы русскіе богословы. Но и для западной науки оно останется, конечно, только гласомъ вопіющаго въ пустыни.

1) См. его статьи: „Русскій Византинистъ на служеніи церковно исторической наукѣ. (Чт. Общ. Люб. дух. просвѣщенія 1882, 3)“ и „Библиографическая замѣтка по поводу Византійскаго отдѣленія при лѣтописи историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ“. Бог. Вѣст. 1893 г.

2) Полное заглавіе: Исторія раздѣленія церкви въ 9, 10 и 11 вѣкахъ. Съ подробнымъ указаніемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету—съ 1841 по 1900 г. Москва, 1900

той борьбы, оставившей по себѣ глубокіе слѣды въ исторіи раздѣленія церквей. Указавъ начальные моменты возникновенія этихъ партій въ патріаршество Тарасія, Никифора и Меодія, онъ даетъ исчерпывающую характеристику обѣихъ выступившихъ на историческую сцену партій и съ тщательнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми перепитіями начавшейся борьбы. Запутанная исторія непрерывныхъ римскихъ и константинопольскихъ соборовъ, часто сопровождавшаяся утратой актовъ и поддѣлкой источниковъ, здѣсь восстановлена во всей своей актической объективности и хронологическомъ порядкѣ. Политическія обстоятельства, постоянная смѣна династій на Константинопольскомъ тронѣ, личности Михаила III, Варды и Василия Македонія съ ихъ измѣняющимися государственными и церковными планами, властные папы Николай I-й и Адрианъ 2-ой съ ихъ неустанными стараніями провести свои папскія идеи въ византійской церкви и подчинить ее своему вліянію, моменты упадка, когда на константинопольскомъ соборѣ 869 г. восточная церковь воплѣтъ призвала власть папъ, и моменты подъема національно-церковнаго чувства на соборахъ 866 и 879 года, подвергшихъ папъ и ихъ притязанія анаѣмъ,—вся эта трагическая борьба, глубоко отразившаяся во всѣхъ сферахъ государственной и церковной жизни Византіи, раскрыта здѣсь со всей подробностью, показаны внутреннія пружины, руководившія ею, и приведены всѣ нужныя извлеченія изъ источниковъ, дающіе возможность читателю наглядно наблюдать ихъ фактическое обнаруженіе. Симпатіи автора всецѣло стоятъ на сторонѣ фотіанской партіи: эта партія отличалась возвышенностью и широтою взглядовъ, когда дѣло касалось пониманія задачи церкви: она хочетъ идти въ уровень съ потребностями времени и духа его, не отступая ни на шагъ отъ коренныхъ основаній вѣры; она хочетъ править церковью въ духѣ благоразумія и снисходительности. Она безусловно далека отъ того, чтобы преклоняться предъ авторитетомъ монашества, имѣвшаго большую силу въ византійской церкви и государствѣ: она хочетъ дисциплинировать, но не потворствовать его крайнимъ убѣжденіямъ. Она любитъ науку, просвѣщеніе, и хочетъ этотъ элементъ утвердить и развить въ церкви. Иначе характеризуется партія игнатіанъ. Въ церковной дѣятельности она любитъ придерживаться традиціи: духъ

времени и потребности для нея дѣло второстепенное: твердость церкви она полагаетъ въ непризнаніи за духомъ времени никакого значенія. Она строга до суровости, настойчива до упорства. Она беззавѣтно предана монашеству, помнить лишь его заслуги и закрываетъ глаза на его вопіющіе недостатки. Науку и образованность она не цѣнила: сословіе ученыхъ пользовалось недоувѣріемъ съ ея стороны; въ образованіи она видѣла пагубу церковной вѣры ¹⁾. Но нигдѣ эта противоположность борющихся партій не сказывалась такъ рельефно, какъ въ радикально различныхъ отношеніяхъ ихъ къ римскимъ папамъ. Партія Игнатія въ папѣ видѣла единственное спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ, постигшихъ константинопольскую церковь, величала его въ своихъ посланіяхъ „патріархомъ всѣхъ каедръ, наслѣдникомъ князя Апостола, вселенскимъ папой“, и ея торжество на соборѣ 869 куплено было тяжелой жертвой,—отказомъ отъ независимости и рукописнымъ засвидѣтельствомъ признаніемъ папы, какъ главы церкви. На знамени Фотія и фотіанъ написана была независимость и самостоятельность византійскаго и всѣхъ восточныхъ патріархатовъ и рѣшительный протестъ и отверженіе всѣхъ папскихъ притязаній на единовластительство церкви. Ссылки, гоненія и многочисленныя анаемы, раздававшіяся по адресу Фотія не только въ Римѣ, но въ самомъ Константинополѣ лишь укрѣпили въ сознаніи восточной церкви его основную идею и она осталась навсегда руководящимъ принципомъ при всѣхъ дальнѣйшихъ столкновеніяхъ Константинополя съ Римомъ. Повторившаяся при патріархѣ Николаѣ Мистикѣ (титулъ указываетъ на одну изъ высшихъ придворныхъ должностей) и императорѣ Львѣ 6 Мудромъ попытка папы Анастасія 3-го навязать свое постановленіе о дозволительности четвертаго брака, окончилось ничѣмъ, а при Михаилѣ Керулларіи и папѣ Львѣ 9 обѣ церкви—восточная и западная, въ самомъ центрѣ религіознаго благочестія Византіи, въ Софійскомъ храмѣ помѣнялись взаимными анаемами ¹⁾.

1) Заимствовано изъ сочиненія „Очерки внутренней исторіи византійской восточной церкви въ 9, 10, 11 вѣкахъ (Отъ конца иконоборческихъ споровъ до начала крестовыхъ походовъ 1096 г.) Москва, 1902, стр 29—30. (6 й т.) о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Третій и четвертый томъ (6 и 7 полнаго изданія), обсуждающіе тоже исторію Византіи, стоятъ между собою въ неразрывной связи. Первый изъ нихъ содержитъ очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви отъ конца иконоборческихъ споровъ (842) до начала крестовыхъ походовъ (1096 г. ²⁾; второй является прямымъ продолженіемъ его и рассматриваетъ ту же внутреннюю жизнь византійско-восточной церкви, но уже отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453-мъ году ³⁾. Обширность заключающагося въ нихъ историческаго содержанія видна уже изъ того, что въ нихъ авторъ поставилъ своею цѣлюю обозрѣть внутреннюю жизнь византійской церкви за эти четыре съ половиной вѣка со всѣхъ ея сторонъ, а именно: а) церковь, государство и общество въ Византіи; б) Византійская образованность вообще, богословская наука и литература въ частности; партіи и направленія въ богословской литературѣ и церковной жизни; в) религіозно-нравственный характеръ византійской имперіи; с) матеріальное положеніе духовенства и его церковный строй. Сложность и важность собраннаго здѣсь церковно-историческаго матеріала, многочисленность затронутыхъ вопросовъ—все это создаетъ непреодолимую трудность воспроизвести въ небольшой статьѣ всѣ выводы и наблюденія автора, но такъ какъ лучшей біографіей каждаго ученаго, къ какой бы области науки онъ не принадлежалъ, можетъ служить лишь ознакомленіе съ его научными трудами, ихъ результатами и соотвѣтствующая имъ критическая оцѣнка, то и мы, при всей боязни утомить читателя, рѣшаемся остановиться нѣсколько и на этихъ двухъ работахъ А. П. Лебедева, ограничившись лишь немногими характерными пунк-

¹⁾ Подробности см. стр. 302—344

²⁾ Въ 6 томѣ напечатаны приложенія. а) Царствованіе императора Никифора Фоки въ церковно-историческомъ отношеніи (963—969 г.)—Актовая рѣчь А. П. Лебедева; б) Церковь византійская и римская Церковь въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковно-обрядовыхъ спорахъ въ 9 и XI вв. (стр. 294—381)

³⁾ Полное заглавіе: „Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви отъ конца 9 до половины 15 вѣка (отъ начала крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 г.) Приложение: „Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени“ Москва 1902

тами, въ которыхъ выражаются наиболѣе оригинальныя черты изучаемой въ разсматриваемыхъ томахъ эпохи и своеобразный взглядъ автора на нихъ.

И прежде всего 1) по вопросу о раздѣленіи церквей,—этомъ важнѣйшемъ событіи въ исторіи христіанства, послѣдствія котораго чувствуются и переживаются и доселѣ. Въ обычномъ порядкѣ мыслей здѣсь все сводится, во первыхъ, къ соперничеству Византійскаго патриарха и римскаго папы, во вторыхъ, къ разностямъ догматическимъ (очень немногимъ) и обрядовымъ, игравшимъ преимущественное значеніе въ исторіи этого событія. Но объяснять личными счетами такой важный и повлекшій за собой неисчислимыя послѣдствія фактъ, какъ раздѣленіе церквей, значить довольствоваться уже черезъ-чуръ примитивнымъ воззрѣніемъ на причинную законосообразность историческихъ явленій. Что же касается до догматическихъ и обрядовыхъ особенностей, раздѣлявшихъ ту и другую церкви, то специальное изслѣдованіе, какому подвергъ А. П. Лебедевъ всѣ сочиненія восточныхъ и западныхъ полемистовъ, какія только сохранились до нашего времени отъ 9 до 11 вѣка, привело его къ слѣдующему окончательному выводу: „вникая въ сущность споровъ церкви восточной и западной съ недоумѣніемъ предлагаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ такіе, повидимому, неважные споры такъ быстро приблизили христіанскій міръ къ столь многозначительной катастрофѣ церковной, какъ раздѣленіе церкви?“ 1) Въ чемъ же дѣло? Великія историческія событія возникаютъ не изъ дѣйствія единичныхъ лицъ, и не движутся богословскою полемикою, а чаще всего направляются народнымъ настроеніемъ, его симпатіями и антипатіями. Возможно, что всѣ споры, касавшіеся разностей церквей, остались бы лишь интереснымъ памятникомъ церковной литературы, и не повлекли бы за собой фактическихъ послѣдствій, если бы къ нимъ не присоединилась еще національная вражда между греками и латинами, поводомъ къ которымъ послужили крестовые походы. Изслѣдованіе А. П. Лебедева встаетъ именно на эту точку зрѣнія. Византійскіе историки, современники взятія греческой имперіи и Константинополя латинянами, полны

1) Очерки внутренней исторіи въ 9, 10 и 11 вв. 6 т. стр. 381.

разказомъ о тѣхъ возмутительныхъ поступкахъ западныхъ крестоносцевъ, какими они повсюду оскорбляли нравственное и религиозное чувство грековъ. Насилія всякаго рода, доходившія до того, что трупы побѣжденныхъ грековъ они располагали рядомъ съ ослами, убитыми собаками и кошками, придавая имъ при томъ такія позы, какъ будто они хотятъ обняться и удовлетворить своей чувственной похоти; женщины и дѣвы дѣлались добычей скотской страсти солдатъ: священные храмы и сокровища не только расхищались, но и подвергались самому гнусному оскорбленію. По взятіи Ѳессалоникъ, по разказу Хоніата, латиняне бросали на землю иконы Христа и Его угодниковъ, попирали ихъ ногами и похищая украшенія, выносили иконы на перекрестки для поправія прохожихъ или употребляли вмѣсто топлива при варкѣ пищи; нѣкоторые изъ нихъ вскакивали на престолъ, плясали на немъ и совершали срамное на святомъ мѣстѣ. Миро, истекавшее изъ мошей Димитрія Солунскаго, они черпали кувшинами и кастрюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали сапоги... Не лучше вели себя крестоносцы и въ Константинополѣ. Драгоцѣнный престолъ Софійскаго храма, состоявшій изъ разнообразныхъ веществъ, при посредствѣ огня слитыхъ въ одно прекрасное цѣлое, они разрубили на части и раздѣлили между собою: всѣ украшенія, серебро, золото и драгоцѣнные камни были сорваны со своихъ мѣстъ. Въ храмъ вводили вьючныхъ животныхъ, на которыхъ вывозились церковныя сокровища, доводили ихъ до самаго алтаря; и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, подкальзывались и не могли подняться по гладкости полировки каменнаго пола, то ихъ тутъ и закалывали... Вотъ какая-то женщина, исполненная грѣхами, гудокъ неприличныхъ, соблазнительныхъ и срамныхъ напѣвовъ, усѣлась на патріаршемъ мѣстѣ (сопрестоліи), распѣвая свою визгливую мелодію, а потомъ бросилась въ пляску (Никита Хоніать); плащаницы отдавали блудницамъ и непотребная женщина засыпала на нихъ; останки мучениковъ были разметаны по нечистымъ мѣстамъ... Что же должны были думать греки объ этихъ людяхъ, которые все-же выдавали себя за христіанъ? Никита Хоніать хорошо выражаетъ настроеніе всего греческаго общества, когда онъ говоритъ: „такимъ образомъ между ними и нами утвердилась величайшая

пропасть вражды; мы не можемъ соединяться душами“...; или: „непомѣрная ненависть къ намъ латинянь и крайнее несогласіе наше съ ними не допускають между нами ни на одну минуту мысли о дружелюбіи“. „Послѣ этого, спрашиваетъ А. П. Лебедевъ, можно ли ожидать, чтобы раздѣленіе христіанской церкви, совершившееся въ XI вѣкѣ, пришло снова къ цѣлости, уврачевалось въ вѣка, послѣдующіе за этимъ печальнымъ событіемъ! Не греки виной тому!“

Вполнѣ понятно, что это взаимное раздраженіе, объявшее грековъ и латинянь при первой непосредственной встрѣчѣ, немедленно отразилось и на отношеніи обѣихъ церквей. Въ военномъ ограбленіи и опустошеніи Константинополя крестоносцами, римскіе папы увидѣли не только даръ Божій въ пользу папства, но и кару за отступничество восточной церкви, и уже современникъ завоеванія Византійской столицы папа Иннокентій III въ своемъ посланіи на имя епископовъ и аббатовъ, находившихся тамъ, провозглашалъ: „Богъ передалъ византійскую имперію отъ гордыхъ смиреннымъ, отъ неповинующихъ къ послушнымъ, отъ отдѣлившихся вѣрнымъ сынамъ церкви“. Этотъ же папа въ письмѣ къ императору Алексѣю III, представлялъ греческую церковь глубоко-падшей и нераскаянной грѣшницей, сравнивая ее съ Самаріей, отступившей отъ Іерусалима, Давомъ и Веилемъ, чуждающимся Сіона. Естественно, что и приверженцы греческой церкви не оставались безотвѣтными при видѣ такого глумленія надъ ними. Съ своей стороны они со всей ревностью старались доказать не только права ихъ церкви на уваженіе и почтеніе въ христіанскомъ мірѣ, но преимущественное значеніе византійскаго патріарха предъ римскимъ. Анна Комнина,—этотъ порфирородный историкъ,—писавшая свою исторію въ 12 вѣкѣ, вводитъ въ нее такое разсужденіе: „латиняне думаютъ и говорятъ, что римскій первосвященникъ есть глава и владыка всей вселенной; это не болѣе, какъ выраженіе ихъ высокомѣрія. Знайте, что когда царскій престоль, сенать и всѣ государственныя учрежденія были перенесены изъ Рима въ Константинополь, сюда также перенесено и іерархическое преимущество. Съ того времени было предоставлено первенство каедрѣ Константинопольской, а особенно Халкидонскій соборъ (28 пр.) воз-

высилъ эту кафедру на первую степень, подчинивъ ей всѣ діоцезы на землѣ“. Знаменитый канонистъ Вальсамонъ ставитъ римскую кафедру уже на 3-мъ мѣстѣ, а Анхіаль,—византійскій патіархъ 12 вѣка.—доказываетъ Мануилу Комнину, что папа потерялъ свое епископское достоинство, что онъ сталъ теперь міряниномъ, и самъ нуждается въ благодатномъ освященіи отъ другихъ, а потому и не можетъ преподавать освященіе другимъ, и другой патіархъ Никита Мунтанъ въ проповѣди, произнесенной въ Софійскомъ храмѣ въ присутствіи епископа Мюнстерскаго, явившагося въ Византію въ качествѣ посла Фридриха I, открыто провозгласилъ: если грекъ убьетъ сотню латинскихъ пилигримовъ, то получить отпущеніе своего грѣха, хотя бы онъ въ тоже время запятналъ себя убійствомъ десяти грековъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ и списокъ обоюдныхъ обвиненій въ заблужденіяхъ достигъ до такой щепетильности и скрупулезности и такъ умножился въ своемъ числѣ, что дѣлалъ физически невозможнымъ какое-либо соглашеніе между представителями обѣихъ церквей. ²⁾

2. Вопросъ объ отношеніи церкви къ государству въ Византійской имперіи принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ и сложнымъ пунктамъ не только исторической вообще науки, но и каноническаго права. Обычнымъ терминомъ, какимъ характеризуются эти отношенія въ западной литературѣ является *цезаропанизмъ*. Но въ чемъ состоялъ этотъ цезаропанизмъ? въ какихъ фактахъ онъ отражался и какъ относились къ нему высшее церковное духовенство и интеллигентное общество Византіи? На эти интересные вопросы, мало затронутые въ существующей литературѣ, полный отчетъ даетъ рассматриваемое изслѣдованіе А. П. Лебедева. Если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія теоріи, то здѣсь все обстояло благополучно. Такъ, на соборѣ 869 года церковь опредѣлила, чтобы сообразно съ древними канонами избраніе епископовъ совершалось не чрезъ насиліе со стороны свѣтскихъ властей и не вслѣдствіе какой-либо хитрости съ ихъ стороны; поставленный такимъ образомъ епис-

¹⁾ Разсказъ о такой проповѣди, нужно сказать,—замѣчаетъ самъ авторъ,—представляется невѣроятнымъ, но все-же онъ характеристиченъ.—Стр. 27.

²⁾ Подробности см. стр. 1—144 указаннаго изслѣдованія.

копѣ подлежить лишенію сана; соборъ запретилъ даже присутствіе императора или его уполномоченныхъ на избирательномъ собраніи, если сами епископы не просятъ такого присутствія въ видахъ соблюденія порядка (Labbei, Consilia, 8, с. 12. 22. 21; р. 1133. 1140. 141). И императорское законодательство подтверждало права церкви, обезпечивавшія ея независимость. Такъ напр. въ уложеніяхъ Василия I и Льва IV идеаль императора въ отношеніи къ церкви изображается въ слѣдующихъ чертахъ. Императоръ есть законное представительство, благо всѣхъ подданныхъ, онъ наказываетъ и награждаетъ всѣхъ безъ пристрастія. При этомъ онъ обязанъ приводить въ исполненіе всѣ заповѣди писанія и опредѣленія семи вселенскихъ соборовъ. Въ православіи и религіозной ревности императоръ долженъ отличаться предъ всѣми. При изданіи законовъ онъ долженъ утверждать существующіе обычаи, но противные канонамъ нравы не должны быть терпимы.—Такова теорія, но на практикѣ и въ жизни, какъ это обычно случается, отношенія государства къ церкви не только не согласовались съ теоріей, но чаще, развивались въ противоположномъ направленіи. Намъ трудно представить то религіозное обаяніе, какимъ окружалась личность императора въ Византіи. Въ торжественныхъ процессіяхъ императоръ выступалъ не только, какъ царь-мірянинъ, но и какъ царь-первосвященникъ. Голова его покрыта митрой, украшенной драгоцѣнными камнями и оканчивающейся на верху крестомъ. На тѣлѣ одѣта одежда саккосъ, имѣвшій кругловидную форму, длиною почти до земли и блестящій весь драгоцѣнными камнями. Шея и плечи покрывались особой повязкой, испещренной по золотому полю драгоцѣнными камнями и называвшейся діадемой; діадема располагалась на плечахъ императора такъ же, какъ и омофоръ у патріарха. Сверху онъ надѣвалъ еще хламиду—мантію, напоминавшую фелонь. Его сопровождали начальники кубикуляріевъ въ скуфьяхъ и камилавахъ на головѣ и мантіяхъ; магистры (управители надъ царской прислугой) шли въ бѣлыхъ стихаряхъ обшитыхъ золотомъ¹⁾. Во время этихъ процессій императоръ имѣлъ въ рукахъ кириі т.-е. свѣтиль-

¹⁾ Извѣство, что не императоры заимствовали свою помпу отъ церкви, но церковь свое благолѣпіе отъ трона

ники (у Вальсамона—трикирій) и благословлялъ ими народъ: сначала средину, потомъ правую и затѣмъ лѣвую сторону. Это происходило не только въ церкви и при религиозныхъ процессіяхъ, но и при всякомъ вообще торжественномъ собраніи, и народъ или особые пѣвцы отвѣчали на это благословеніе привѣтствіемъ: многая лѣта (*εἰς πολλὰ ἔτη*), божественное величіе. Иногда во время этихъ процессій императоръ производилъ и посвященіе какого-либо лица въ гражданскую должность, при чемъ посвящаемый получалъ изъ рукъ императора стихарь и поясъ ¹⁾). Императоръ имѣлъ право входить въ алтарь, когда онъ хотѣлъ, и принималъ живое участіе въ богослуженіи; во время великаго выхода онъ шель впереди даровъ, облеченный въ вышеописанную одежду со свѣтильниками въ рукахъ; пріобщался онъ вмѣстѣ съ священно-служителями—отдѣльно хлѣба и отъ потира и говорилъ катихизическія поученія. Этотъ религиозный ореоль, окружавшій личность императора, невольно дѣлалъ его въ глазахъ народа не столько царемъ, сколько высшимъ первосвященникомъ; и услужливые византійскіе епископы не только утверждали въ этомъ взглядѣ императоровъ, но и создали цѣлую теорію цезарепапизма. Уже Вальсамонъ, антиохійскій патріархъ, заявляетъ: „какъ царствующій императоръ есть помазанникъ Господень по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть между прочимъ и архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями“. Определеннѣе высказывается другой представитель современнаго авторитета церковнаго,—Димитрій Хоматинъ, архіепископъ Болгарскій: по его воззрѣнію императоръ есть и называется всеобщимъ верховнымъ правителемъ церквей, онъ стоитъ выше опредѣленія соборовъ, которымъ онъ доставляетъ надлежащую силу; онъ есть мѣрило въ отношеніи къ церковной іерархіи, законодатель для жизни и поведенія священниковъ; его вѣдѣнію подлежатъ споры епископовъ и клириковъ и право замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Епископовъ онъ можетъ дѣлать митрополитами, а епископскія кафедры митрополичьими кафедрами. Однимъ словомъ, по убѣжденію Димитрія Хоматина,

¹⁾ Этотъ обрядъ представлялъ собой точную параллель съ нашимъ обрядомъ посвященія въ стихарь.

за единственнымъ исключеніемъ совершать богослуженія, императору предоставлены всѣ епископскія привиллегіи, на основаніи которыхъ его постановленія получаютъ каноническій авторитетъ. „Какъ древніе римскіе императоры подписывались: pontifex maximus, таковыми же должно считать и теперешнихъ императоровъ, какъ помазанниковъ Господнихъ. Подобно тому, какъ Спаситель, будучи помазанникомъ, есть и чтится, какъ первосвященникъ, такъ императоръ, какъ помазанникъ, украшается благодатію священства“. И такія воззрѣнія на первосвященническую власть императора не были единственными. ¹⁾

И вотъ эти судьи дѣлъ божескихъ и человѣческихъ властвовали въ церкви такъ же, какъ они властвовали въ государствахъ. Что они назначали константинопольскихъ патріарховъ—это было уже давно установившимся обычаемъ, но въ разсматриваемую эпоху они такъ же произвольно опредѣляли ихъ, какъ и низвергали. Малѣйшій протестъ патріарха противъ произвола или дурнаго поведенія императора, иногда политическій расчетъ, а иногда и просто самовластіе заставляло даже лучшихъ патріарховъ оставлять свои кathedры и удаляться въ изгнаніе. Игнатій,—одинъ изъ высоко нравственныхъ людей, нерѣдко и въ это время восходившихъ на константинопольскій престолъ,—въ день Богоявленія отказалъ кесарю Вардѣ въ причастіи, лишь по подозрѣнію въ его незаконной связи со своей вдовой ²⁾ невѣсткой и по приказу императора Михаила III лишился патріаршей кathedры. Левъ VI Мудрый при жизни уже первой супруги Теофаніи вступилъ въ незаконную связь съ нѣкоей Зоей, мужъ которой былъ скоро отравленъ; смерть Теофаніи даетъ поводъ домогаться законнаго брака со своей прежней наложницею. Тщетно тогдашній патріархъ Антоній II противился браку; нашелся священникъ, не отказавшійся совершить бракосочетаніе, и былъ лишенъ сана. Черезъ годъ восемь мѣсяцевъ Зоя умерла, а императоръ вступилъ въ третій бракъ съ Евдокіей, но опять лишился жены при первомъ рожденіи ребенка. Тогда сластолюбивый императоръ вступаетъ въ открытую связь съ другой Зоей Карвонопсиной (черноокой

¹⁾ Т. 6, 15 сл. 60 сл. ср. т. 7, 106 и 109 сл.

²⁾ Фактъ исторически не доказанъ

или имѣвшей глаза свѣтящіяся, какъ раскаленный уголь). Рожденіе Зоей сына—Константина (такъ называемаго Порфиророднаго) т. е. появленіе наслѣдника престола для императора явилось счастьемъ, котораго не подарили ему три первыхъ законныхъ жены. Императоръ, конечно, пожелалъ, чтобы новорожденный былъ крещенъ съ *царскими почестями*. Тогдашній патріархъ Николай Мистикъ отказался соединить съ крещеніемъ царскія почести и потребовалъ отъ императора отказа отъ дальнѣйшей связи съ Зоей. Вынужденный формальнымъ требованіемъ патріарха, Левъ далъ согласіе на него, Зоя удалилась изъ дворца, ребенку при крещеніи были оказаны царскія почести... Но черезъ три дня Зоя опять появляется во дворцѣ, находится покладистый священникъ, Левъ вступаетъ въ церковный бракъ и самъ коронуетъ Зою, такъ какъ патріархъ отказался. Но четвертый бракъ и для мірянина являлся нарушеніемъ каноническихъ правилъ, тѣмъ преступнѣе онъ былъ для царя, который, какъ священное лицо, долженъ былъ показывать въ себѣ образецъ добродѣтели. Николай отлучилъ императора отъ церкви, а Левъ прогналъ его съ кафедры въ ссылку, и обратившись съ апелляціей къ папѣ Сергію III, достигъ у него законнаго признанія своего брака съ Зоей ¹⁾. Фотій, соперникъ Игнатія, также два раза былъ низложенъ съ патріаршей кафедры и умеръ въ ссылкѣ.

Другіе патріархи были покладистѣе или просто ограничивались дипломатическимъ невмѣшательствомъ въ дѣло. Одна императрица, тоже Зоя влюбилась въ нѣкоего Михаила Пафлагонянина, задушила въ ваннѣ своего мужа Романа III и захотѣла тотчасъ же выйти замужъ за Михаила. Это было въ ночь на великую пятницу 1034 г. Она возсѣла на императорскій тронъ, призвала къ себѣ патріарха Алексѣя Студита и потребовала, чтобы онъ тотчасъ же обвѣнчалъ ее съ ея возлюбленнымъ. Патріархъ колебался, но подарокъ въ 50 ф. золота патріарху и такой же подарокъ для клира вывелъ его изъ затрудненія и онъ въ ту же ночь (на великую пятницу) совершилъ вѣнчаніе, а на другой день похоронилъ убитаго Романа ²⁾. Михаилъ III, извѣстный противникъ Игна-

¹⁾ См. исторію раздѣленія церквей, т. 5, стр. 302—320.

²⁾ Т. 6, стр. 56.

тія, отличавшійся необузданнымъ развратомъ, учредилъ у себя нѣчто вродѣ: „всепьянвѣйшаго собора Петра Великаго“. Онъ подобралъ себѣ компанію изъ 12-ти молодыхъ лицъ, далъ имъ титула митрополитовъ, а самъ назвался архіепископомъ Колонійскимъ. Патріархомъ у нихъ былъ нѣкто Теофилъ Гриллъ. Товарищество облакалось въ священныя одежды, пѣло безобразныя пѣсни по напѣву церковныхъ пѣсней, позволяло себѣ комедійное дѣйствіе причастія, при чемъ вмѣсто хлѣба и вина употребляли уксусъ и горчицу. Но любопытно, что, путешествуя по улицамъ города съ пѣніемъ неприличныхъ пѣсень и съ игрой на музыкальныхъ инструментахъ, эта сумасбродная кучка врѣзывалась иногда въ крестный ходъ патріарха... Какой соблазнъ происходилъ тогда,—понятно. Однако не Игнатій, не Фотій, тогдашніе патріархи Константинополя, ни съ однимъ словомъ прещенія не обратились къ императору ¹⁾. И они поступали благоразумно. Вздумалось одному благочестивому архіерею Василію обличить императора за его кощунство и осмѣяніе священныхъ предметовъ, но Михаилъ собственноручно избилъ престарѣлаго епископа, такъ что жизнь его нѣкоторое время находилась въ опасности ²⁾.

Стойкость нѣкоторыхъ патріарховъ и епископовъ въ защитѣ церковныхъ правъ побудила византійскихъ императоровъ измѣнить свою политику въ области назначенія кандидатовъ на патріаршую кафедру, и по свидѣтельству Никифора Григоры, они избирали такихъ субъектовъ, которые ни въ чемъ не могли сопротивляться и были рабами, готовыми служить императору. Не удивительно, что выборъ иногда падалъ на такихъ лицъ, которые только позорили Константинопольскую церковь и ея кафедру. Таковъ былъ напр. Теофилактъ, младшій сынъ императора Романа, съ дѣтскихъ лѣтъ предназначенный въ патріархи. 16 лѣтъ онъ наконецъ сдѣлался патріархомъ и заявилъ о себѣ самыми постыдными дѣйствіями. Симонія при немъ достигла своего высшаго процвѣтанія, за всѣ епископскія и священническія мѣста назначена была такса и продажа мѣстъ производилась открыто. Господствующей страстью патріарха были лошади,

1) Т. 6, стр. 10. 11.

2) Тамъ же стр. 36. 37.

которыхъ насчитывалось у него до 2000. Безчувственный къ несчастнымъ, патріархъ строилъ конюшни, кормилъ любимыхъ лошадей изысканными плодами, поилъ тончайшими винами, вспрыскивалъ драгоценными духами. О немъ рассказывали слѣдующій анекдотъ. Однажды въ страстной четвергъ патріархъ совершалъ обѣдню, и вдругъ ему доносятъ, что любимѣйшая его кобыла начинаетъ жеребиться. Патріархъ прерываетъ богослуженіе, бросаетъ свои первосвященническія одежды и спѣшитъ въ конюшню. Насладившись зрѣлищемъ новорожденнаго, патріархъ снова возвращается къ прерванной службѣ и доканчиваетъ обѣдню. Но за то онъ и умеръ, упавши съ лошади ¹⁾.

Широко пользуясь своей привилегіей назначенія патріарховъ, императоры Византіи все дальше и дальше шли по пути усвоенія себѣ церковныхъ правъ. Никакими церковными канонами, ни установившимися издавна порядками они не стѣснялись. Старшій сынъ Василія 1-го Македонянина—Константинъ былъ мальчикъ умный, съ раннихъ лѣтъ проявлявшій задатки хорошаго императора, и потому сдѣлался любимцемъ своего отца; во время одного изъ походовъ мальчикъ, находившійся неотлучно при отцѣ, заболѣлъ и умеръ. Подъ вліяніемъ неутѣшной скорби отъ неожиданной кончины сына, Василій приходитъ къ мысли причислить своего сына къ лику святыхъ, и константинопольская церковь безпрекословно приняла эту ничѣмъ не мотивированную канонизацію принца. Извѣстный намъ императоръ Левъ VI Мудрый самовольно канонизируетъ 2-хъ своихъ жень, Теофанію и Зою,—и строить въ честь и имя ихъ храмы. Теофанія, подлинно, была святой женщиной; она безропотно терпѣла невѣрность своего мужа; среди развратнаго византійскаго двора она блистала скромностью и благочестіемъ; милостыня и молитва были настоящимъ занятіемъ ея; канонизація ея была признана церковью и имя ея доселѣ значится въ восточномъ мѣсяцесловѣ; попытка же возвести въ ряды святыхъ Зою повидимому встрѣтила сильный отпоръ въ рядахъ византійскаго духовенства; во всякомъ случаѣ имя ея не нашло себѣ мѣста въ церковныхъ мѣсяцесловахъ.

¹⁾ Т. 6, стр. 74 75. Разумѣется и для Византіи подобныя явленія были исключительными и среди патріарховъ находились лица, исполнявшія свой долгъ.

Никифоръ Фока хотѣлъ дѣйствовать еще энергичнѣе. Онъ потребовалъ, чтобы церковь причислила къ лику мучениковъ всѣхъ воиновъ павшихъ въ бою, но патриархъ и епископы на этотъ разъ рѣшительно возстали противъ насилія императора надъ церковными порядками, и только ссылка на правило Василя Великаго, что убившіе на войнѣ врага подвергаются трехлѣтнему церковному отлученію, убѣдила государя отказаться отъ своей затѣи. Византійскій цезарепапизмъ простирался такимъ образомъ на всѣ области внутренней и внѣшней церковной жизни, не исключая даже права вязать и рѣшить. Такъ о Романѣ I-мъ извѣстно, что онъ отъ своего лица однажды провозгласилъ слѣдующіе анаематизмы: „каждому кто осмѣливается затѣвать заговоръ или бунтъ—провозглашаю анаеема: всякому, кто будетъ ихъ помощниками или соучастниками въ ихъ отступничествѣ (sic)—анаеема... Священникамъ, если они примутъ кого-либо изъ такихъ лицъ на исповѣдь, не заставивъ ихъ покаяться и отказаться отъ своего отступничества—тоже анаеема“¹⁾.—Какъ относились константинопольская церковь и византійское общество къ этимъ безсчетнымъ попыткамъ императоровъ подчинить своему вліянію всю церковную область? Въ протестахъ противъ императорскаго самовластия со стороны высшаго духовенства, какъ мы видѣли, недостатка не было, но всѣ они оканчивались въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ, не приводили ни къ какому положительному результату, и общество византійское стало свыкаться съ подобными фактами въ исторіи Византійскаго государства, переставало видѣть въ нихъ нѣчто ненормальное, несообразное съ правилами. Георгій Акрополитъ ни сколько не удивляется тому, что императоръ Феодоръ Ватаца умышленно избираетъ на патриаршую кафедру лицо необразованное, хотя имѣлъ полную возможность поставить на этотъ высокій постъ чловѣка, достойнаго по своимъ умственнымъ дарованіемъ. Іоаннъ Киннамъ смотритъ, какъ на самое обыкновенное дѣло,—на то, что одинъ изъ описываемыхъ имъ императоровъ давалъ сообразное со своими личными желаніями направление въ рѣшеніи нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ; онъ увѣренъ, что изслѣдовать божественное имѣютъ право

¹⁾ Т 6, стр. 79—81.

лучше изъ архіереевъ, да цари“. Писатели и ораторы 13 в. Никифоръ Хумнъ прославляетъ одного императора за самовольное низверженіе имъ патріарха, уподобляя его за это самому „Слову Божію“ ¹⁾.

А. Спаскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Т. 7, стр. 112 113